

Философия научно-технической модернизации России

Горюнов В.П.

Источник изображения: <http://технодоктрина.рф/>

На исходе второго десятилетия реформирования России политика социальных преобразований достигла относительного завершения: система производственных отношений и всей политической надстройки необратимо изменена. На повестку дня вынесен вопрос о революционных изменениях в области материально-технического развития, о переходе к новому технологическому способу жизни. Терминологически это выражено в понятии модернизации, провозглашённой не как призывная декларация, а как реальный политический курс с перечнем конкретных научно-технических мероприятий, предусматривающих определённое материальное и организационное обеспечение.

Чтобы оценить всю трудность современной ситуации, достаточно указать два фактора. Один из них состоит в значительном разрушении унаследованного Россией материально-технического потенциала, к тому же изначально не соответствовавшего высоким требованиям своего времени. Разрушение материально-технического потенциала привело к

появлению избыточного населения, занятого прежде в системе производства с низкой производительностью труда, функционировавшей по затратному подходу. Приватизация в области науки проходила по тому же сценарию, что и в материальном производстве. Но отсутствие институционализированной коммерциализации не породило здесь своих олигархов. Всё, что можно, было продано по дешёвке: востребованные фундаментальные знания и передовые технологии – вовне, оборудование с драгметаллами и просто металлолом, здания вместе с территорией – внутри. Научный труд перестал оплачиваться, научные работники оказались не у дел, более предприимчивые из них уехали за рубеж или занялись бизнесом.

Второй фактор связан с таким ускорением темпов научно-технического прогресса, которое при догоняющем типе развития делает невозможной ликвидацию разрыва между лидерами и аутсайдерами и превращает модернизацию в некий паллиатив. Таким образом, в осмыслении модернизации как крупномасштабного общественного сдвига в неявном виде сначала подразумевается вопрос о её осуществимости в принципе, а уж потом о целях, сроках и средствах. Сейчас в России это вопрос скорее веры, чем точного расчёта, но наша страна всегда жила верой в лучшее будущее, о чём требуется отдельный разговор, но очень редко сочетала такую веру с твёрдой волей.

Модернизация означает не прогресс вообще, а ликвидацию отставания. Прогресс вообще – это инновационное развитие, т.е. постоянное обновление без закрепления тиражирования продуктов и способов жизнедеятельности. Здесь всё время требуется авансирование труда, источником для которого и в целом для получения дополнительного ресурса является неэквивалентный обмен. Вне обмена результатами деятельности инновационность сама по себе теряет смысл. Иными словами, инновационное развитие не объяснить неким мифическим законом возвышения потребностей.

Модернизация, как ликвидация отставания, проходит в исторически короткие сроки. Это форсированное развитие, рывок, необходимо требующий резкого увеличения расходования ресурсов жизни (затрат).

Поскольку модернизация относится к отстающим общностям, она неизбежно болезненна в той мере, в какой ведёт к сокращению социальной базы, т.е. к сокращению массы ресурсов, расходуемых для поддержания жизни, иначе говоря – к социальному напряжению и требует больших усилий для удержания устойчивости общества. К модернизации нельзя только призывать общество, её надо навязать. Более того, она предполагает коренное переустройство всего общества, а не только его технологического способа жизни.

В российской истории при таком понимании можно отметить три модернизации: Крещение Руси приобщило её к цивилизации, Петровские реформы ввели непосредственно в Европу, социалистические преобразования превратили в мировую державу. Вопрос о цене и социальном характере указанных модернизаций оставим в стороне. Они никогда не проводились при общем согласии и терпении, а осуществлялись за чей-то счёт и приводили к возвышению одних людей и гибели других. Этой социально-экзистенциальной нагруженности модернизации не избежать, но без модернизации не обойтись, если общность хочет занять одно из лидерских мест в мировом социальном пространстве и вообще просто выжить.

Коммунистическая модель развития России себя исчерпала. Она оказалась неспособной к инновационному развитию. Было множество попыток реформ, но в рамках коммунистической системы отношений они были обречены на провал. Всё закончилось крушением коммунизма и развалом СССР. В новой России реформы имели главной задачей

слом старой системы, но задача модернизации осталась. Россия обрела относительную устойчивость за счёт сырьевых ресурсов, и теперь вопрос о модернизации приобрёл характер реальной практической задачи: либо Россия модернизируется и возвращает себе статус великой державы, вне которого нет смысла говорить о России как о России, либо она перестаёт существовать. Иного не дано.

Становится понятно, почему вопрос о модернизации был поставлен конкретно лишь в последнее время, во многом под влиянием мирового экономического кризиса и в решающей мере перед лицом реальной угрозы потери самостоятельности. Но как только вопрос о модернизации перестал быть осторожным намерением и получил очертания конкретного политического курса, так сразу же в полный рост встали вопросы о цене и социальном характере модернизации. По существу, в целом это вопрос о её возможности в принципе при существующей системе управления Россией.

Во-первых, о продолжительности (в начале 90-х гг. XX в. был аналогичный разговор о реформах – то ли постепенно и поэтапно их проводить, то ли разом (образы того времени: нельзя через пропасть прыгать в два прыжка, нельзя кошке рубить хвост дважды).

Во-вторых, о системе общественных отношений и власти: модернизацию то ли проводить сверху, административным способом, то ли в рамках расширяющейся демократии.

В-третьих, о допустимой социальной нагрузке.

Ключевой является именно третья позиция. Модернизация, несмотря на принятие решения о её осуществлении, остаётся вещью в себе, здесь многое неизвестно. Это не расчёт материального движения по законам природы. Поэтому никто не может выразить что-то исчерпывающе определённо. На первый план выходят теория и базовые идеологические принципы, в первую очередь здесь нужен теоретический анализ.

Общество существует на базе определённого технологического способа жизни. Он исчерпаем, впереди всегда остаётся неопределённость, пустота. Люди переходят от одного технологического способа к другому, несколько тысячелетий смена типов материально-технического развития происходила на эмпирической основе. Теперь только наука может быть поставщиком новых ресурсов жизни, превращая нейтральную природу в кладовую богатств. Но нет гарантий, что материально-техническое развитие общества беспредельно, – это вопрос веры.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы положило конец абсолютистскому подходу в оценке общественного прогресса, основанному на убеждении в возможности обеспечения человечеством такого гармоничного состояния, когда будет покончено с голодом, неравенством, войнами и различными человеческими пороками, когда появятся неограниченные возможности совершенствования людей и т.п. Такое убеждение базировалось на признании неограниченности материально-технического развития, уходящего в неопределённое будущее. И вот человечество достигло предела в возможности того непрекращающегося роста, к которому оно привыкло и с которым связывались прогрессивистские идеи, а все перечисленные и им подобные проблемы не только не исчезли, но даже обострились.

Возможности получения ресурсов из природы способами, разрабатываемыми непосредственно в материальном производстве, исчерпаны окончательно. Практическое

приложение научного естествознания без его дальнейшего расширения всё более приближается к теоретическому пределу обеспечения дальнейшего существования общества. Наука стала главным и, возможно, единственным источником пополнения ресурсной базы человечества, поскольку только она обуславливает степень богатства природы, отыскивая способы вовлечения в производственный оборот новых природных элементов и переработки их в средства человеческой жизни. В настоящее время полностью подтвердился и реализуется гениальный тезис Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу.

Дальнейшее существование общества без науки невозможно. Соответственно на первый план в обладании богатством природы вместо владения территорией выдвинулось владение научными знаниями и разработанными на их основе технологиями. Интеллектуальная собственность в качестве производственного капитала всё более теснит собственность на материальные средства производства. Применительно к огромной территории России, это положение выглядит следующим образом: земля во всех формах её функционирования в качестве ресурса и источника богатства пока ещё остаётся главным средством производства, однако рубеж её обесценивания близок в силу катастрофического устаревания преобладающего в России технологического способа жизни – доля интеллектуальной собственности, заложенной в нём, ничтожно мала. Без соединения с нею дни эффективной собственности на географическую составляющую богатства природы сочтены, её может не хватить даже на ныне живущее поколение.

Однако по мере расширения сферы взаимодействия общества и природы для науки требуется всё более мощная материальная база, а для преобразования предметов и процессов природы в нужный продукт необходимы всё более сложные и всё более наукоёмкие технологии. Следовательно, в поддержании материально-технического развития общества, с одной стороны, непрерывно возрастает роль теоретического знания об окружающем мире, его приращение становится главным условием выживания цивилизации. С другой стороны, для практического использования теоретических знаний, как и для их накопления, требуется всё большее усложнение и наращивание массы специального знания, расширения и усложнения необходимой приборной базы. Иначе говоря, наука становится всё более ресурсоёмкой, а потому и не для всех доступной, и разрыв между странами в возможностях научно-технического развития увеличивается.

Новое знание, обеспечивающее получение нового источника ресурсов, фундаментально. Здесь возникают два фактора. Первый связан с неопределённостью результатов фундаментальных исследований – определить заранее отрасль применения фундаментального знания невозможно. Второй фактор связан со стремлением субъектов социального взаимодействия минимизировать расходы на науку в фазе её фундаментальности и максимизировать её частное, отраслевое функционирование в качестве средства производства.

Для прикладных исследований, целью которых является производство научно-технической продукции, как и для всякого производства, необходимы «сырьё, исходные материалы» в виде теоретического знания. Его получают в сфере фундаментальных исследований. Но их результаты изначально не могут быть ориентированы на конкретное применение, хотя теоретическое знание в целом, во всей своей полноте, практически значимо, т.е. бесполезного теоретического знания не существует. Иначе говоря, фундаментальные исследования проводятся целенаправленно, а не вслепую, но отдача (окупаемость) реализуется только в неопределённом будущем, их производство не поддаётся конкретному экономическому расчёту. В качестве примера можно привести мнение некоторых учёных-физиков о ядерных исследованиях как не имеющих практического значения, высказанное, по-сути, незадолго до создания атомной бомбы и строительства атомной электростанции.

Следовательно, фундаментальные исследования всегда и везде проблемны в плане коммерциализации их результатов. Поэтому вполне закономерно, что сначала они финансируются государством, но потом, когда образуется единая система науки как непосредственной производительной силы, к финансированию фундаментальных исследований подключается крупный капитал, в конечном счёте, не только окупающий свои расходы на науку, но и получающий от неё сверхприбыль. С этой точки зрения Манхэттенский проект, осуществлённый в 40-х гг. XX в., и Силиконовую долину, возникшую в начале 50-х гг., можно считать нарицательными понятиями. Манхэттенский проект по разработке атомной бомбы является символом институционализации науки как непосредственной производительной силы, организуемой в виде государственного предприятия. Силиконовая долина стала символом коммерциализации науки, организуемой уже при участии крупного капитала, высокодоходным экономическим предприятием. Государство и крупный бизнес при таком подходе представляют собой одно целое, поскольку наука вместе с прибылью обеспечивает поступление налогов, т.е. от неё получается общественный доход в целом.

Тем не менее, наука изначально не только оправдывает расходы на себя, но и приносит прибыль, до какого-то момента опосредованно и обобщественно (платят одни люди и даже поколения, а пользу получают другие люди и поколения), но потом непосредственно и адресно (кто платит, тот и получает прибыль). Впрочем, её опосредованность и обобщественность остались в главном: наука стала основным источником производства ресурсов жизни людей вообще. Логика развития науки от её возникновения до настоящего времени, не привязанная жёстко к конкретной историографии, может быть представлена следующим образом:

- XVI в. – достижение предельного уровня материально-технического развития, прогрессирующего на основе знаний, полученных непосредственно в производственной сфере.
- XVII в. – возникновение науки как отдельного вида деятельности по производству знания.
- XVIII в. – становление науки как социального института (институционализация науки).
- XIX в. – становление науки как непосредственной производительной силы (соединение науки с техникой в прикладных исследованиях), использование природных предметов и процессов в технических системах и производственных технологиях, разработанных на базе научного знания.
- XX – XXI вв. – институционализация науки как непосредственной производительной силы с последующей коммерциализацией (превращение научной деятельности в разновидность экономической с высокой степенью риска и сверхприбылями).

В Советском Союзе аналоги Манхэттенского проекта – закрытые научные города, сталинские «шарашки», секретные «почтовые ящики» и открытые научно-исследовательские институты. Но коммерциализации науки, т.е. аналога Силиконовой долины, в СССР не могло быть в принципе. В России образование такого научно-технического комплекса очень проблематично, потому что слишком многое придётся начинать с нуля, с чистого листа, на пустом месте. Передовая научно-техническая продукция, прежде всего технологии, не передаётся, она продаётся, но дорого и не новая. Что удастся приобрести России и что создать? Предприятие на чужой исходной базе будет производить продукцию для чужих потребителей. Нужно создавать свою базу, но вопросы о цене, сроках и вообще принципиальной возможности остаются открытыми.

Фундаментальные исследования подобны неуправляемому поиску готовых ресурсов в природе: сначала появляется поверхностное познание окружающего мира во всём его

доступном многообразии, познание всего подряд (путешествия, случайные географические открытия). Потом начинается всё более целенаправленный поиск (разведка) конкретных ресурсов. Так и фундаментальные исследования полны случайных открытий, которые при целостном подходе неизбежно оказываются необходимыми.

Для российской модернизации это главная проблема: где брать интеллектуальное сырьё (теоретическое знание) для производства инноваций в практической деятельности, если сфера собственных фундаментальных исследований катастрофически сократилась? Здесь возможно повторение той же ситуации, которая возникла с производством иностранных автомобилей на российской территории. Так что Силиконовая долина в Индии (Кремниевое плато в Бангалоре) не является безусловным примером для подражания.

Можно производить собственные фундаментальные знания, но не уметь обеспечивать их эффективное практическое приращение и быть интеллектуальным придатком в чужом научно-техническом производстве, но можно быть в нём и просто несамостоятельным технологическим исполнителем. Фундаментальность всегда являлась общепризнанным преимуществом российской системы высшего образования. Большая доля фундаментальной составляющей в нём обеспечивалась общим высоким уровнем интеллектуального потенциала педагогических кадров, она не требовала больших затрат и потому была доступной даже в условиях ограниченности материальных ресурсов. В результате выпускники технических вузов, как правило, обладали высоким уровнем мировоззренческой и общенаучной подготовки, но изначально не были достаточно компетентны в узкоспециальных областях. Однако фундаментальность, как широкая база образования, давала преимущество в том плане, что позволяла быстро адаптироваться к требованиям практики, а при необходимости даже переквалифицироваться и переходить в другие области деятельности. Поэтому не случайно многие крупные российские учёные, конструкторы и организаторы – хозяйственники выросли на плодотворном соединении отечественного фундаментального образования и зарубежных специализированных стажировок.

В современных условиях фундаментальная подготовка будущих научно-технических специалистов, не требующая при наличии высококвалифицированных кадров больших материальных затрат, приобретает характер подготовки интеллектуального сырья для завершающей стадии научно-технического образования. Модель придаточно-сырьевого развития России оказывается вполне реальной и в этой области. Образование стало одной из сфер неэквивалентного обмена России с окружающим миром. Система оплачиваемого государством образования делает его бесплатным для основной массы отечественных потребителей и чрезвычайно дешёвым для иностранных учащихся. Интеллектуальный потенциал страны оказывается в роли всё тех же мехов, обмениваемых на стеклянные бусы, о чём давно и много сказано.

Формально здесь просматриваются два пути решения проблемы: либо опустить уровень технического образования до реальных потребностей сырьевого производства, либо поднять производство до существующего уровня образования. Важно понять, что не может общность, состоящая из юристов и экономистов, на равных взаимодействовать с общностями, состоящими из учёных и инженеров. В таком случае у России остаётся единственный путь – адекватные требованиям современности внутренние преобразования, позволяющие обеспечить полноценное соблюдение своих интересов в процессе глобальной интеграции.

Предельно общим выражением возрастания роли науки в жизни современного общества может быть тезис о том, что она творит глобализацию. В частности, анализ перспектив энергетики, как системообразующего фактора мировой социальной структуры, позволяет рисовать фантастические геополитические сценарии будущего. С этой точки зрения

технологический оптимизм вообще и сциентизм в частности переходят из разряда абстрактных мировоззренческих конструкций в ранг методологических оснований определения перспективных направлений реальной научно-технической политики.

И наоборот, глобализация охватывает сферу научно-технического производства, вместе со становлением единой мировой экономики происходит становление единого научного производства, т.е. единой мировой науки как непосредственной производительной силы. Как известно, наука всегда считалась мировой, но она оставалась такой до тех пор, пока не подверглась коммерциализации. До определённого времени получение научных знаний не требовало значительного финансирования и, главное, не приносило прибыли; наука, как и искусство, была общей. Например, знание закона всемирного тяготения столь же общее, как и само тяготение. Но способы практического использования всемирного тяготения не общие, и преимущество здесь у того, кто этими способами владеет. Не случайно страны – технологические лидеры всегда ратовали за открытость в науке, за свободное движение знаний, поскольку они за счёт такой открытости могут пользоваться результатами чужого труда.

Исторически сложилось разделение на бедные ресурсами метрополии и богатые ресурсами колонии. Российская территория не была востребована в колониационном процессе в силу неблагоприятных природных условий и отсутствия доступных ресурсов, необходимых в XVIII – XIX веках. В связи с этим Россия развивалась на своей собственной базе независимо от окружающего мира. Теперь картина материально-технического развития изменилась. Россия оказалась богатой энергетическими ресурсами, доступными для современного уровня техники и технологии, но её уже не завоевать. Более того, она может соединить современные технологии с ресурсами, чего не наблюдается в такой степени в других странах.

В лидирующих общностях сосредоточивается мощный человеческий ресурс, главным содержанием которого является высокий профессионализм населения. Иначе говоря, в этих общностях вся жизнедеятельность (бытовая, производственная, управленческая и т.д.) осуществляется профессионально по меркам самых передовых технологий, а значит, она максимально эффективна, что обеспечивает преимущество лидирующей общности в обмене результатами жизнедеятельности с другими общностями. Лидирующей, благополучной общности присущи передовая техника и технология, их обеспечивают передовая наука и образование, высокая эффективность деятельности высококвалифицированных людей обеспечивается высоким уровнем жизни (пища, жильё, транспорт, медицина, отдых) и надёжной защищённостью прав и свобод во внутреннем и внешнем существовании общности. Всё это в совокупности означает способность общности эффективно (выгодно для себя) взаимодействовать с другими общностями, осуществлять обусловленный неравенством уровней технологического развития обмен неравными стоимостями. В обобщённом виде речь идёт о количестве заключённой в общности массы человеческой жизни, а следовательно, и о том, что общности обмениваются разными количествами жизни.

Сырьевой бизнес не заинтересован в модернизации, имеющей целью создание в России постиндустриального общества, потому что в этом случае он утратит своё господствующее положение. При допущении возможности реальной модернизации России данная проблема выглядит следующим образом: либо представители сырьевого бизнеса оттесняются на второй план новой генерацией, представителями информационно-технологического бизнеса, потенциально более масштабного (нечто подобное в России уже было, когда на смену помещицкому земельному капиталу пришёл промышленный капитал), либо сырьевой бизнес возьмёт дело модернизации в свои руки и перепрофилируется (нечто подобное было в Англии в виде обуржуазивания дворянства).

Для сырьевой модели развития нынешнее население России слишком велико, для инновационного развития оно слишком мало.

Крайний вариант сырьевой ориентации производства предполагает численность населения, достаточную, во-первых, для осуществления процесса добычи и транспортировки сырья, во-вторых, для функционирования обслуживающего комплекса, куда входят необходимая инфраструктура, подготовка кадров, здравоохранение, развлечения, охрана и т.п. Промышленное производство, в том числе военное, сельское хозяйство, транспортное машиностроение и многое другое оказываются ненужными, продукты такого производства можно купить. Соответственно при подобном способе жизни достаточно трети нынешнего населения России. О её независимости в этом случае речи не идёт.

Другой крайний вариант требует комплексного индустриального развития, обуславливающего экономическую и военную безопасность, возможность полного самостоятельного обеспечения. По такому варианту развивался Советский Союз, располагавший достаточными ресурсами для относительно замкнутого существования в определённый исторический период. Но для его реализации, тем более для инновационного развития России с учётом её природных масштабов, нынешнего населения явно недостаточно. Более того, Россия характеризуется своеобразной демографической аномалией. Демографическое поведение населения такое же, как в передовой, просвещённой, высокоразвитой стране, а уровень жизни – как в отсталой, развивающейся. Россия унаследовала от умеренно обеспеченной жизни непомерно большую массу людей, успевших дожить до старости и сдерживающих её социальную динамику. В развивающихся странах с их параллельно высокой рождаемостью и смертностью население в основном молодое. В передовых странах коренное население намного более старое, но там высокий уровень молодёжной иммиграции. Население России в значительной мере пополняется ветеранами и неквалифицированными работниками, а убывает число молодых высокообразованных специалистов.

Существует достаточно много прогнозов развития России на 20 и более лет. Но ведь страна – это не саморазвивающаяся предметная система типа растения, живого организма, русла реки и прочих предметных систем. Россия будет такой, какой её сделают, во-первых, те, кто определяет это внутри, а во-вторых, те, кто влияет на неё извне. Но будущих результатов преобразований никто не знает. Даже отдельный человек про собственное будущее знает только в той мере, в какой он сам деятелен, в рамках того, что от него зависит как в созидательном плане, так и в плане противостояния внешним вызовам.

Когда наука в России станет сферой приложения капитала и получения прибыли, тогда в неё пойдёт бизнес. В этом случае модернизация состоится как крупномасштабный научно-технический бизнес-проект, для которого Россия представляет собой не более чем государственно-географическое образование (место на Земле), где будет организовано высокорентабельное производство интеллектуальной продукции. Соответственно должна сформироваться новая разновидность элиты, состоящая из интеллектуалов сугубо либерального склада, претендующих на лидерство в обществе. Первоначально это будут иностранные специалисты, традиционный для российских модернизаций контингент, с участием наиболее адаптированных к условиям новой социальной реальности российских учёных и под контролем топ-менеджеров от государства и заинтересованного российского бизнес-сообщества, а потом возникнет новая генерация из числа молодых наследников первого поколения крупного российского капитала и политического истеблишмента.

Модернизационный проект России – это национальный проект соединения государства и капитала. Выдвинут лозунг социальной ответственности бизнеса. Разве плохо, если бизнес поставит на первое место собственные интересы, и обязательно ли будет ущемление государственных интересов? Возникает закономерный вопрос: а каковы, собственно,

государственные интересы и противоречит ли им национальный бизнес, поднявшийся до мирового уровня? Не означает ли сильный бизнес сильное государство? А российский бизнес слаб именно в том смысле, что он не обеспечивает собственное инновационное развитие. Судьба бизнеса воплощает в себе национальную судьбу, т.е. судьбу России. Но это произойдёт в том случае, если он будет национально ориентирован. Это и есть социальная ответственность, наглядным примером которой служит американский капитал, социально ответственный и национально ориентированный в той мере, в какой он заинтересован в мировом лидерстве Америки. Как отметил 100 лет назад Т. Рузвельт, великой нацией нас делает не наше богатство, а то, как мы его используем.

Конечный результат технологической модернизации России в XXI в. – переход на уровень передовой коммерциализируемой науки. Масштабы модернизации могут быть различны – от организации отдельного предприятия по производству научно-технической продукции до комплексной модернизации всей экономики. Сейчас модернизация России во всём комплексе необходимых условий её осуществления не просчитывается в какой-либо реальной модели в рамках нормального, проверенного историческим опытом передовых стран пути материально-технического развития. Для этого не хватает выполнения многих необходимых условий, главное из которых состоит в том, что для автономного существования России недостаточен масштаб её материально-технического развития, а вписаться на равных в мировую техносотциальную систему мешает технологическая отсталость.

Но весь исторический опыт России демонстрирует её способность совершать рывки именно вопреки устоявшимся стереотипам и нормам за счёт концентрации социальной энергии под воздействием мобилизующей государственной воли и наличия естественных ресурсов, по разнообразию и объёмам обеспечивающих возможность самостоятельного существования. Однако в настоящее время естественные ресурсы представлены только географической составляющей, тогда как демографических ресурсов явно недостаточно.

Модернизация России должна иметь целевую модель, понятный образ создаваемого российского будущего: модель внутреннего социального устройства, место и роль в мировом социальном пространстве. Нельзя ограничиться пониманием модернизации как некоего движения к некоему более совершенному будущему, необходима конкретизация.

Для современной России важно проведение политики модернизации без социальных издержек. Конечно, это очень трудная задача, но иного выхода нет. Модернизация России без сопровождения политикой социального консерватизма невозможна по своей сути, потому что в итоге это будет уже не Россия. Иначе говоря, можно отбросить социальную сферу, принести определённую массу людей в жертву модернизации и осуществить её. Однако новому обществу России, даже в её нынешней конфигурации, не удержать, а точнее, она будет этому обществу не нужна.

Сохранение социальной сферы – не просто гуманизм, содержание бедных и обездоленных, начиная с пенсионеров. Это авансирование на создание населения, способного занимать лидирующие позиции в мире, вложение средств с отдаленной отдачей. То есть нужны свободные средства на образование, здравоохранение, науку и культуру наряду с ростом затрат на оборону. Конечно, сырьевые деньги самые легкодоступные, но сырьевое развитие не обеспечивает прорыва. Россия может соединить технологическую модернизацию и политику социального консерватизма за счёт сырьевых ресурсов. Пока что это единственный благоприятный шанс. Здесь последнее слово за государством. Растрата ресурсной базы была бы не меньшим преступлением против народа, чем прямое насильственное распоряжение жизнями людей в недавнем прошлом.

Автор: Горюнов В.П, - д-р филос. наук, проф. Санкт-Петербургского политехнического университета